
Уютный детектив
Запятая, или Смерть по рукописи
Кафе «Опечатка»
Роман «Последняя запятая»
Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Э-клер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня.
Серия «Красный карандаш»
книга 18

Милана Панова

Запятая или Смерть по рукописи

«Автор»
2026

Панова М.

Запятая или Смерть по рукописи / М. Панова — «Автор», 2026

Пожилой писатель-детективщик приглашает корректора Нину Платонову на дачу и признаётся: в его последнем романе героиня носит её имя и первой строкой заявляет, что умрёт тридцатого июня. Он собирает в усадьбе «Опечатка» шестерых людей, которые в романе выведены под другими именами, чтобы прочесть им книгу вслух. Утром под мостками находят издателя с белой розой в кармане. В рукописи появляется глава, описывающая это убийство, хотя ещё ночью Нина читала там совсем другую. Связи нет, мост размыт, участковый один, а в записке на подушке Нине назначают встречу на мостках в полночь тридцатого июня. Нина, капитан Громов и кот Эклер выясняют, кто переписал чужую книгу ради чужой смерти. Уютный ироничный детектив о рукописях, ненаписанных главах и о том, что язык выдаёт человека точнее отпечатков пальцев. Читать можно отдельно от предыдущих частей

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Запятая или Смерть по рукописи

Запятая, или Смерть по рукописи
Серия «Красный карандаш», книга 18

Глава 1. Кафе «Опечатка»

Кафе «Опечатка» нашлось на улице Ленина, между аптекой и магазином товаров для рукоделия, и выглядело именно так, как должно выглядеть место с таким названием: на вывеске вместо «Опечатка» красовалось «Опечатка», но с заметно перевёрнутой «к», так что сначала читалось «Опечатва». Я постояла перед дверью и решила, что это либо шутка, либо судьба.

— Нина, — сказал Андрей, стоявший у меня за спиной. — Ты можешь еще передумать.

— Не могу.

— Я так и думал.

— Ты останешься здесь?

— Я останусь вон на той скамейке, с газетой, и буду изображать пенсионера. Если через полчаса тебя не будет, я зайду и закажу шесть пирожных. Очень громко.

— Это будет сигнал?

— Это будет скандал. Но в любом случае тебя вытащат.

Я поцеловала его в щёку и вошла. Звякнул колокольчик над дверью. Эклер, которому я так и не смогла объяснить, что «без кота» значит «без кота», сидел у меня на плече в шлейке, потому что на условие «можете взять» он отреагировал вполне однозначно: залез в сумку и не вылез, пока я не взяла и его.

Внутри было тихо и пахло ванилью. Стены обклеены страницами старых книг, на столиках стояли настольные лампы с зелёными абажурами, а за стойкой дремала девушка с косой, подперев щёку кулаком. В углу у окна сидел человек.

Он был высок, тощ, с серебряной гривой, аккуратно зачёсанной назад, и с лицом пожилого актёра, который давно играет самого себя. На нём был серый вельветовый пиджак, чёрный шейный платок и круглые очки в тонкой оправе. Перед ним стоял чайник с двумя чашками и блюдо с овсяным печеньем. Увидев меня, он поднялся, и я заметила, что у него выправка кавалерийского офицера и дрожь в пальцах человека, который слишком много лет печатал на машинке.

— Нина Сергеевна, — сказал он мягким, низким, прекрасно поставленным голосом. — Я не сомневался, что вы придёте. Это было бы совершенно в вашем характере.

— Вы меня знаете?

— Я знаю вас сорок три дня. С тех пор как прочёл в газете заметку про «корректора, которая нашла убийцу по запятой». Разрешите представиться. Георгий Семёнович Крапивин.

Я не сразу сообразила. Потом поняла: передо мной тот самый Крапивин, автор тридцати двух детективов, которые стояли у каждой второй женщины в метро и у каждого второго дедушки на даче. «Тайна старого маяка», «Ночь в купе № 6», «Пять поцелуев и один яд». Я вычитывала два его романа в начале карьеры.

— Вы писатель.

— Был. Пока не понял, что не пишу, а переписываю самого себя. — Он улыбнулся. — Садитесь, прошу. Кот, как я вижу, с вами. Прекрасно. Я захватил для него сливки.

Он действительно достал из кармана маленькую баночку. Эклер, учуяв, мгновенно переместился с моего плеча на стол, понюхал, снисходительно лизнул и расположился между печеньем и чайником, как маленький сфинкс.

— Вы звонили мне, — сказала я. — После банка. И вы сказали: «Автор». Рукопись в ячейке, лист…

— Это моя рукопись. Роман «Последняя запятая». Лавров, да упокоит господь его беспокойную душу, любезно согласился хранить первую страницу. Он был одним из первых, кто прочёл. И единственный, кто сказал: «Георгий Семёнович, вы пишете лучше, чем думаете».

— Вы были знакомы с Лавровым?

— Двадцать лет. Он издавал меня первое время. До ухода. Потом вернулся и стал моим акционером, если можно так выразиться. Он хотел, чтобы эта книга вышла у Маргариты Викторовны Дымовой. Я вам обязан объяснить, почему.

Он налил чаю, придвинул мне чашку.

— Сначала скажите, что вы прочли.

— Первую строку.

— «Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Эклер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня».

— Да.

— Испугались?

— Сильно.

— Простите. Это была неудачная шутка. — Он слегка поклонился. — Это первая строка романа. Героиня, корректор по имени Нина Платонова, ведёт повествование от первого лица. Она заявляет, что умрёт тридцатого июня, и весь роман читатель ждёт этого дня. А в последней главе выясняется, что она просто решила не дожить до тридцатого июня: уйти на пенсию, переехать в деревню и написать собственную книгу. «Умру» в смысле «исчезну». Это старый приём.

— Вы взяли моё имя.

— Я взял вас целиком. — Он улыбнулся, и в углу рта у него появилась тонкая усталая морщина. — Простите. Вы, наверное, подумали: сумасшедший старик крадёт чужую жизнь. Но вы единственный человек в стране, на ком держится понятие «корректор» в литературе. Я хотел сделать вас героиней. Не копировать, а… отдать честь.

— Почему именно я?

— Потому что вы читаете. Я пишу тридцать лет и ни разу не встретил человека, который читает так, как вы. Не «увлекается», не «следит за сюжетом». Читает по буквам. Вы же понимаете, о чём я.

Я промолчала. Эклер, лежавший на столе, повернул голову и посмотрел на Крапивина с тем выражением, с каким смотрит на людей, которых собирается оценивать долго.

— Георгий Семёнович, — сказала я. — Зачем вы меня позвали? Не для того же, чтобы просить разрешения.

— Нет, разумеется. — Он вздохнул. — Это только повод. Мне нужна ваша помощь. Серьёзная.

— Какая?

— Двадцать седьмого июня у меня на даче, в усадьбе «Опечатка», собираются шесть человек. Мой издатель, мой литературный агент, моя бывшая жена, секретарь, соседка-журналистка и доктор. Я хочу прочесть им роман. Все главы, по порядку, по две-три за вечер. Последняя глава будет прочитана в ночь на тридцатое июня. Ровно в полночь. Как и положено по жанру.

— Зачем?

— Это мой последний роман. Я хочу, чтобы они услышали его вместе. Они все в нём присутствуют. Под другими именами, разумеется. Но я сделал портреты, и, надеюсь, не слишком обидные. Хочу посмотреть на их лица.

— Это жестоко.

— Это литература. Она всегда жестока. — Он вдруг замолчал, потом тихо добавил: — И ещё одна причина. Мне кажется, кто-то из них хочет меня убить.

Я поставила чашку.

— Что?

— Не буквально. Мне девяносто процентов уверенности. — Он грустно усмехнулся. — Вы понимаете, я детективщик. У меня профессиональная деформация: я подозреваю всех. Но в последние месяцы у меня стали пропадать вещи. Рукописи. Деньги со счетов. Однажды в моём кабинете кто-то среди ночи перелистал мои бумаги и ничего не взял, но положил закладку в одну из страниц. Странно, правда?

— На какой странице?

— На странице, где у героини описана смерть издателя. Хотите знать, как я узнал?

— Как?

— Я пишу на машинке «Эрика». Старой, немецкой, полученной ещё от отца. На ней нельзя исправить ошибку без следов. И закладка, которую оставили, лежала не в черновике, а в чистовике. В единственном экземпляре, который хранится в сейфе. Это значит, что человек знает код.

— Кто знает код?

— Я и секретарь. Больше никто. — Он помолчал. — Верочка не может. Она не из тех. Она в три раза умнее и в десять раз добрее.

— Тогда кто?

— Не знаю. Потому и зову вас.

Я посмотрела на Эклера. Он смотрел на меня.

— Вы хотите, чтобы я приехала на дачу и вела себя как корректор?

— Именно. Вы будете читать мою рукопись. Только вы увидите то, чего не увижу я. Вы читаете без любви к автору, а это бесценно.

— А если я ничего не найду?

— Тогда вы проведёте три дня на берегу прекрасного озера, поедите уху, погуляете по лесу, а я прочту вам лучшую главу в жизни. — Он улыбнулся. — Согласитесь, это не самый плохой исход.

Я вздохнула.

— Мне нужно спросить мужа.

— У вас есть муж?

— Жених.

— Тот самый капитан? — Лицо у него осветилось. — Прекрасно. Привозите. В усадьбе места хватит. Мне давно хотелось заполучить настоящего сыщика. Чтобы потом сказать, что я всё делал неправильно.

— Он не любит, когда его называют «настоящим».

— А как его называют?

— Андрей.

— Тогда пусть будет Андрей.

Он достал из кармана плотный белый конверт и протянул мне.

— Приглашение. На оборотной стороне план проезда. От Н-ска восемьдесят километров, потом поворот у деревни Сосновка, три километра по просёлку. Мобильная связь, к сожалению, там почти не ловит, зато есть стационарный телефон. И, — он подмигнул, — отличный повар.

Я взяла конверт, повертела в руках.

— Георгий Семёнович. Ещё один вопрос.

— Да.

— Почему вы сказали «я умру тридцатого июня»?

Он замолчал. В глазах мелькнуло что-то тёмное, старое, почти испуганное.

— Это первая строка романа, Нина Сергеевна, — тихо сказал он. — Я написал её тридцать лет назад. На оборотной стороне бланка в больничной палате, когда мне поставили диагноз. Врачи сказали: «Тридцатого июня вам предстоит операция». Я вышел из больницы и написал эту строку, чтобы не сойти с ума. Операция прошла успешно. Строка осталась. Теперь я просто закончил книгу, которую начал тогда.

В кафе стало тихо. Девушка за стойкой тихонько звякнула чашкой.

— Простите, — сказала я.

— Не за что. — Он улыбнулся. — Видите, как всё просто. А вы испугались.

Я встала. Эклер, не дожидаясь команды, прыгнул мне на плечо.

— Мы приедем.

— Я знал.

На улице, на скамейке, сидел Андрей с газетой, перевёрнутой вверх ногами. Увидев меня, он поспешно сложил её и поднялся.

— Тридцать пять минут.

— Я не заметила.

— Что он хотел?

— Пригласить нас на дачу. И, кажется, спасти от чего-то.

— Тебя?

— Себя. — Я посмотрела в окно кафе, где Крапивин сидел один, помешивая чай, и вдруг показался мне очень маленьким и очень старым. — Но не уверена, что он сам это понимает.

— Нина.

— Да.

— Это опять что-то плохое?

— Это опять что-то странное.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала я. — Но иногда бывает рядом.

Глава 2. Усадьба

Усадьба «Опечатка» стояла на берегу озера Тихое, в таком глухом сосняке, что последние пять километров Андрей вёл «Фольксваген» как человек, который вдруг заподозрил, что навигатор ведёт его в другое измерение. Дорога превратилась в колею, колея в тропу, а тропа упёрлась в кованые ворота с позеленевшими вензелями. На воротах висела табличка, на которой аккуратным каллиграфическим почерком было выведено: «Опечатка. Частное владение. Орфографические ошибки штрафуются».

— Это они сами? — спросил Андрей.

— Это он. Он любит шутить.

— Надеюсь, его шутки не заканчиваются трупами.

Он нажал на звонок, и ворота медленно, со скрипом, раздвинулись.

Двадцать седьмого июня день стоял жаркий и безветренный. Над озером висела белёсая дымка, пахло смолой, нагретой хвоей и тиной. Дом оказался двухэтажным, бревенчатым, с резным крыльцом, балконом и мезонином, похожим на нахохлившуюся птицу. По фасаду тянулся виноград, на крыше торчала флюгерная фигурка, которая, как выяснилось позже, изображала пишущую машинку. Вокруг цвели белые розы, высокие, густые, с лёгким сладким запахом, и от этого запаха, вместе с жарой, у меня на секунду закружилась голова.

— Нина Сергеевна! — донеслось с крыльца. — Андрей! Какое счастье.

Крапивин вышел нам навстречу в полотняной рубашке и мятых бриджах, с растрёпанной седой гривой и палкой, которой, видимо, пользовался не столько по необходимости, сколько для эффекта. Рядом с ним стояла молодая женщина лет двадцати восьми, невысокая, русово-

лосая, с тихим и внимательным взглядом человека, привыкшего исчезать, как только входит кто-то громкий.

— Это Верочка, моя правая рука, — представил он. — Вера Лисицына. Она печатает, организует, кормит и терпит. А это, Верочка, та самая Нина Сергеевна.

— Очень рада, — сказала Вера и неожиданно покраснела. — Я читала про вас. Я… ваша поклонница.

— Я не настолько известна.

— Для меня достаточно.

Мы прошли в дом. Внутри было прохладно и пахло деревом и старыми книгами. Просторная гостиная с камином, обитые вытертым бархатом диваны, шкафы до потолка. На стене висели фотографии: Крапивин с известными писателями, Крапивин на премии, Крапивин с женщиной в шляпке, которая, насколько я поняла, и была бывшей женой. На камине стояла пишущая машинка, огромная, чёрная, с белой кнопкой «возврат каретки».

— «Эрика», — сказал Крапивин с любовью. — Мой талисман. Остальное переписываю, но вот эта… незаменима.

Остальные гости собрались на веранде. Пять человек, шесть, считая Веру. Они сидели за длинным столом, пили холодный морс и делали вид, что не обсуждают друг друга.

Первым при нашем появлении поднялся полный, лысеющий мужчина лет шестидесяти с седыми бровями и круглым красным лицом человека, который любит поесть и вина попить. Он был в мятом льняном пиджаке и в соломенной шляпе, которую держал в руке, как держат букет.

— Борис Маркович Цукер, — представился он, пожимая мне руку обеими ладонями. — Издательство «Цукер и сыновья», Москва. Я издаю Георгия сорок лет. Он мне как брат. А вы, значит, героиня?

— Я корректор.

— Корректор! — Он закатил глаза. — Знаете, сколько я мучаюсь с корректорами? Они все как один считают, что я безграмотный. А я просто быстро думаю.

— Борис, — тихо сказал Крапивин.

— Что? Я пошутил.

Рядом с Цукером сидел высокий, загорелый мужчина лет пятидесяти с ровным блестящим лицом, как у людей, которые часто улыбаются на камеру. Белоснежный льняной костюм, ослепительные зубы, золотые запонки. Он встал, наклонил голову.

— Мирон Белкин. Литературный агент. Представляю интересы Георгия Семёновича в России и за рубежом. Рад знакомству. Читал о вас.

— Все читали, — вздохнула я.

— Это хорошо. Мы любим знаменитостей.

За ним сидела женщина лет шестидесяти в широкополой шляпе и шёлковом платке, с тонким нервным лицом и огромными тёмными глазами, как у героини старого кино. Она курила длинную тонкую сигарету, не затягиваясь, а просто держа её между пальцами, как держат веер.

— Алевтина, — сказала она, протягивая руку, как для поцелуя. — Бывшая жена. Я не особенно разговорчива, поэтому буду краткой: он меня не заслужил.

— Алечка, — сказал Крапивин с мягким упрёком.

— Георгий, не прикидывайся, что тебе неловко. Ты специально меня пригласил.

— Да, специально.

— Вот видишь.

Крапивин улыбнулся, я заметила, что улыбка у него усталая.

— Это Дарья, — сказал он, указывая на девушку лет тридцати пяти с короткой стрижкой, диктофоном на шее и острым любопытным взглядом. — Журналистка. Из Москвы. Пишет обо мне большой материал.

— Дарья Эрлих, — кивнула она. — Не волнуйтесь, я не кусаюсь. Только записываю.

— Очень по-журналистски, — сказал Андрей.

— Спасибо.

И наконец, у самого края стола, невысокий, лысоватый, с аккуратной седой бородкой и портфелем, который он не выпускал из рук, сидел человек лет шестидесяти.

— Плетнёв, — сказал он. — Олег Борисович. Врач. Живу в Сосновке. Георгий Семёнович приглашает меня при каждом приступе меланхолии. Лечу его радостью жизни.

— Радостью жизни? — переспросила я.

— Рыбалкой, — пояснил он. — Другого лекарства я не знаю.

Мы сели. Эклер, выпущенный наконец из переноски, обошёл веранду по периметру, обнюхал ножки каждого стула, задержался возле Цукера, ткнулся носом в его сандалию и чихнул. Цукер вздрогнул.

— Он не любит евреев?

— Он не любит одеколон, — сказала я. — У вас, кажется, «Шипр».

— «Одинокий странник».

— Вот именно.

Все засмеялись. Напряжение, висевшее над столом, слегка рассеялось, но я заметила, как Белкин быстро переглянулся с Цукером, а Алевтина подняла бровь, глядя на Крапивина.

Обед подали в четыре: уха из трёх видов рыбы, расстегаи, холодец, свежие овощи. Повар, молодой улыбчивый парень по имени Артём, обслуживал нас сам, потому что кроме него в усадьбе никакой прислуги не было. Разговор шёл ровно, с лёгкими уколами: Цукер жаловался на падение тиражей, Белкин говорил о правах на экранизации, Алевтина ехидно спрашивала, не собирается ли Георгий наконец написать что-нибудь «без трупов», Дарья задавала вопросы с диктофоном наготове.

— Георгий Семёнович, — сказала она, — вы сказали в письме, что роман будет последним. Почему?

— Устал. — Крапивин развёл руками. — Тридцать два детектива. Сорок лет. Придумывать новые убийства всё труднее. Смерть слишком много говорит о живых.

— А этот роман о чём?

— О корректоре. О любви к слову. О том, что читать — значит быть рядом с автором. — Он посмотрел на меня. — И об убийстве, как без него.

— Кого убили?

— Издателя.

За столом на секунду стало тихо. Цукер перестал жевать.

— Простите?

— Одного из героев. Он издатель, добродушный, лысый, с красным лицом. Зовут Цвейг.

— Георгий, — сказал Цукер, медленно кладя вилку. — Ты что, меня убил?

— В книге? Нет. Цвейг не ты. Просто типаж.

— Типаж. — Цукер вытер губы салфеткой. — А как его убили?

— Это сюрприз. Вы услышите в седьмой главе.

— Мне спокойнее, чем если бы ты сказал сейчас.

— Борис.

— Я пошутил, Георгий. Не обижайся.

Никто не засмеялся.

После обеда Крапивин провёл нас по дому: библиотека на первом этаже, кабинет в мезонине, комнаты для гостей на втором. Нам с Андреем досталась угловая, с видом на озеро и

видом, как выразился Андрей, «на потенциальные пути отхода». В нашей комнате стоял старый платяной шкаф, кровать с резными столбиками и столик у окна. На столике лежала записка: «Нина Сергеевна! Рукопись в библиотеке, в шкафу слева. Ключ в стакане. Читайте когда захотите. Г. К.».

— Он доверяет, — сказал Андрей.

— Он хочет, чтобы я прочла.

— Сегодня?

— Сегодня ночью.

— Весь роман?

— Пятьсот страниц. До рассвета управлюсь.

— Нина. Ты не спишь по трое суток.

— Это работа.

— Это самоубийство.

— Это корректура.

Он вздохнул и сел на кровать. Эклер забрался ему на колени и улёгся, свернувшись калачиком.

— Расскажи мне про них, — попросил Андрей. — Твоё первое впечатление.

— Цукер добродушный, но с хитринкой. Много болтает, мало говорит. Белкин слишком гладкий. Я не люблю людей, у которых нет ни одной морщины. Алевтина выглядит несчастной, но играет. Вера искренняя. Дарья слишком любопытная. Плетнёв, пожалуй, лучше всех.

— Почему?

— У него нет секретов. Только портфель.

— С портфелем что-то не так?

— Он с ним не расстаётся.

— Это не доказательство.

— Нет. Но я заметила.

Андрей улыбнулся.

— Ты заметила, что у человека с портфелем есть портфель.

— Я заметила, что он держит его на коленях, а не ставит на пол. А все остальные ставят вещи на пол или на стул. Это признак того, что внутри нечто важное. Или нечто, что он не хочет оставить без присмотра.

— Лекарства?

— Может быть.

За окном шумели сосны. В глубине сада кто-то тихо смеялся.

Глава 3. Седьмая глава

Рукопись лежала в шкафу, в картонной папке с завязками. Пятьсот двенадцать страниц, напечатанных на машинке, через два интервала, с чуть пожелтевшими краями и мелкими поправками от руки. Я взяла её с собой в библиотеку, устроилась в кожаном кресле у камина и открыла на первой странице.

«Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Эклер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня».

Я заставила себя читать как корректор, а не как героиня. Это было нелегко. Роман оказался хорошим: тёплым, ироничным, с ловкими поворотами и живыми характерами. Героиня, моя тёзка и дублёрша, работала в издательстве «Дымов и Ко». Крапивин не удержался от шутки. В ней были Эклер, красный карандаш, капитан Громов, только он назывался «капитан Громовой» и был женщиной, и я не смогла сдержать улыбку. Автор ловко запутывал сюжет: убийство на литературной дачей, шестеро гостей, закрытый круг, лодка, плывущая ночью в тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.